

Стивен Кинг

Секретное окно, секретный сад



*Часть сборника
Четыре после полуночи
(сборник)*



Четыре после полуночи

Стивен Кинг

Секретное окно, секретный сад

«АСТ»

1990

Кинг С.

Секретное окно, секретный сад / С. Кинг — «АСТ»,
1990 — (Четыре после полуночи)

Иррациональный кошмар был профессией Морта Рейни – трудно заставить автора романов «ужасов» чего-то испугаться... трудно, но можно. И теперь липкая паутина страха все плотнее опутывает писателя, ибо он осознает, что постепенно, шаг за шагом, обращается в безжалостного монстра-убийцу... в персонажа, которого сам же и придумал. Зло, названное по имени, оживает и начинает свое кровавое дело...

© Кинг С., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

| | |
|--|----|
| Заметки по поводу романа «Секретное окно, секретный сад» | 5 |
| 1 | 7 |
| 2 | 10 |
| 3 | 11 |
| 4 | 14 |
| 5 | 18 |
| 6 | 19 |
| 7 | 20 |
| 8 | 23 |
| 9 | 24 |
| 10 | 25 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 32 |

Стивен Кинг

Секретное окно, секретный сад

Два после полуночи

Это для Чака Верилла

Заметки по поводу романа «Секретное окно, секретный сад»

Я принадлежу к тем людям, которые верят, что жизнь состоит из повторяющихся циклов – колеса в колесах, одни цепляются за другие, какие-то вращаются сами по себе, но каждое из них совершает некое постоянное, присущее ему движение. Мне нравится этот абстрактный образ, сравнивающий нашу жизнь с работой какого-то хитроумного механизма. Может быть, потому, что настоящая жизнь, очень близкая и дорогая каждому, кажется нам такой беспорядочной и странной. Как прекрасно иногда отбросить все ненужные мысли и сказать: «Вот он, образец! И, хотя я не знаю, что он означает, но, слава Богу, я, во всяком случае, его вижу!»

Насколько я понимаю, все эти колеса заканчивают свои циклы вращения строго одновременно, и когда это происходит – по моему мнению, это случается примерно каждые двадцать лет, – мы переживаем время окончания своих дел. Психиатры даже ввели в обиход специальный термин для описания этого феномена – они называют его французским словом *cloture*, которое как раз и означает «окончание», «ограда».

Сейчас мне сорок два года, и, оглядываясь назад на последние четыре года своей жизни, я замечаю все признаки *cloture* – окончания. Это можно увидеть и в моих произведениях. В романе «Оно» я посвятил возмутительное количество страниц своим размышлениям о детях и освещающей их внутренний мир природной способности очень тонко чувствовать и воспринимать все окружающее. На следующий год я собираюсь опубликовать последний роман из серий о Касл-Роке, который будет называться «Самое необходимое» (последняя история этого сборника под названием «Несущий смерть» представляет собой пролог к этому роману). И наконец, повесть, которая ждет вас во втором томе этой книги, будет, как я думаю, моей последней историей о писателях и их творчестве и о таинственном нечеловеческом пространстве, которое существует между реальностью и вымыслом. Думаю, что добрая половина моих верных читателей, терпеливо выносивших мое увлечение подобной темой, будут счастливы это узнать.

Несколько лет назад я опубликовал роман под названием «Мизери», в котором попытался хотя бы отчасти продемонстрировать, какую огромную власть может получить вымысел над читателями. В прошлом году я опубликовал книгу под названием «Темная половина», где я пытался исследовать обратную ситуацию: какую власть может иметь вымысел над создавшим его писателем. Эта книга была еще в черновиках, а я уже думал о том, что, по всей видимости, можно рассказать обе истории одновременно, если взглянуть на некоторые сюжетные ходы «Темной половины» под принципиально другим углом. Литературное творчество, на мой взгляд, является таинством – таким же, как сновидения, – и прежде я никогда так серьезно не размышлял именно над этим аспектом моего странного и опасного ремесла.

Я знаю, что писатели время от времени переписывают старые произведения – так сделал Джон Фоулз со своим «Магом», так поступил и ваш покорный слуга со своим «Противостоянием», – но на этот раз я имел в виду нечто другое. Мне захотелось взять уже известные элементы и сложить из них совершенно незнакомую конструкцию. Однажды я уже попытался сде-

лать нечто похожее – я воспользовался некоторыми элементами «Дракулы» Брема Стокера для создания своего «Жребия». Такой способ построения нового показался мне очень удобным.

В один прекрасный день поздней осени 1987 года, пока все эти мысли еще в беспорядке роились в моем сознании, я зашел в нашу прачечную, чтобы бросить в стиральную машину грязное белье. Эта прачечная представляет собой маленькую комнатку, и – по случайному любопытству – я остановился у одного из двух окон.

Мы жили в этом доме уже одиннадцать или двенадцать лет, но прежде я ни разу не удосужился выглянуть из этого окна. Причина очень проста: окна расположены на уровне пола, и обычно к ним невозможно подобраться из-за сушилки или корзины с грязным бельем. На этот раз я все-таки преодолел эти препятствия и выглянул наружу.

Из окна видна небольшая кирпичная арка, которая соединяет дом и летнюю беседку. Это место я видел практически каждый день... но точка, с которой я смотрел на него теперь, была новой. Моя жена расставила на арке около дюжины горшков с растениями, полагаю, для того, чтобы они могли хоть немного глотнуть раннего ноябрьского солнца, и в результате получился симпатичный маленький садик, который был виден только мне. Фраза, пришедшая мне в тот момент, была, конечно, названием истории.

Мне показалось, что это удачная метафора тому, чем день и ночь занимаются писатели – особенно писатели, работающие в жанре фэнтези. Сидеть за печатной машинкой или с карандашом в руке – вовсе не физический акт: с точки зрения духовной деятельности это можно сравнить с наблюдением из забытого всеми окна за совершенно обычными вещами, но *с другой*, новой точки зрения. Работа писателя в том и заключается, чтобы внимательно смотреть из этого окна и сообщать о том, что он там – под своим углом зрения – видит.

Случается так, что окно разбивается. Думаю, именно это – более чем что-либо другое – является содержанием данной истории: что происходит с бдительным наблюдателем, когда разбивается окно между реальностью и нереальностью и стекла разлетаются во все стороны?

1

– Вы украли мой рассказ, – сказал человек, стоявший в дверях. – Вы украли мой рассказ, и с этим нужно что-то делать. Закон есть закон, и справедливость есть справедливость, так что придется что-то делать.

Мортон Рейни, который только что немного вздремнул и еще не совсем ясно воспринимал окружающий мир, не имел ни малейшего представления, что сказать в ответ. Во время работы такого с ним никогда не случалось, не важно, был он больным или здоровым, бодрым или полусонным; он – писатель, и не задумываясь мог вложить в уста своему персонажу какую-нибудь остроумную фразу. Но сейчас Рейни открыл рот и не смог придумать ни одной хлесткой реплики (и даже какой-нибудь посредственной), так что рот ему пришлось снова закрыть.

Этот человек, кажется не совсем реальным, подумал он. *Скорее он похож на персонажа из романа Уильяма Фолкнера.* Это наблюдение никоим образом не решало проблему, хотя, безусловно, было справедливым.

Человек, позвонивший в дверь дома Рейни в этом захолустье образца западной окраины штата Мэн, выглядел лет на сорок пять. Он был очень худым. Выражение лица спокойное, почти безмятежное. Глубокие морщины горизонтальными волнами пересекали его лоб, вертикально опускались от уголков губ к скулам и крошечными лучами разбегались во все стороны вокруг светлых, ясно-голубых глаз. О цвете его волос Рейни мог только догадываться, потому что большую черную шляпу с круглой тульей незнакомец надвинул так низко, что она касалась кончиков его ушей. Раньше такие шляпы носили квакеры. Баков у него тоже не было, и вполне возможно, что он мог оказаться абсолютно лысым, как Телли Савалас, прятавший свою лысину под круглой фетровой шляпой.

На нем была голубая рабочая рубашка, аккуратно застегнутая на все пуговицы до отвислой, покрасневшей от бритья кожи на шее, хотя галстук он при этом не надел. Полы рубашки исчезали под голубыми джинсами, которые были ему немного велики. Джинсы оканчивались манжетами, аккуратно лежавшими на паре выгоревших желтых рабочих туфель, годных, пожалуй, лишь для ходьбы по вспаханной борозде в трех с половиной футах от задницы мула.

– Так что же? – спросил он, глядя на продолжающего молчать Рейни.

– Я вас не знаю, – наконец сказал Рейни.

Это были его первые слова с тех пор, как он встал с кушетки и открыл дверь. Писатель и сам почувствовал, как невероятно глупо они прозвучали.

– Это мне известно, – сказал человек. – Это не имеет никакого значения. Достаточно того, что я знаю вас, мистер Рейни. – И он снова повторил: – Вы украли мой рассказ.

Человек вытянул вперед руку, и только теперь Рейни заметил: он что-то держал. Это была стопка листов. Причем не просто какая-то стопка старых бумаг, а рукопись. «Те, кто связан с литературным трудом, – подумал он, – узнают рукопись с первого взгляда. Особенно невостреванную».

Скажи спасибо, старина Морт, что это не пистолет, пронеслась запоздалая мысль. *Ты попал бы в ад, даже не успев понять, что тебя убили.*

Наконец, с еще большим запозданием, писатель понял, что, по всей видимости, перед ним представитель Племени Безумцев. Ну вот это и случилось; несмотря на то что три его последних романа были бестселлерами, с посланцем этого легендарного племена он встретился впервые. На Рейни накатило смешанное чувство страха и досады, и все мысли сосредоточились только на одном: как можно скорее и как можно безболезненнее избавиться от этого человека.

– Я не читаю рукописей... – начал Морт.

– Эту вы уже читали, – сказал человек со спокойствием честно отработавшего на поле фермера. – Вы украли ее. – Он повторил это, будто констатируя очевидный факт. Так можно было бы отметить, что солнце уже взошло и начался прекрасный осенний день.

Кажется, сегодня Морга посещали только запоздалые мысли; именно теперь он впервые подумал о том, как ему здесь одиноко. Писатель переехал в дом у озера Тэшмор в начале октября, после двух ужасных месяцев в Нью-Йорке. Его бракоразводный процесс подошел к концу только на прошлой неделе.

Дом был большой, но жить, как оказалось, в нем хорошо только летом. Да и сам Тэшмор-Глен – летний городок. Вдоль дороги, огибающей северный берег озера Тэшмор, стояло по меньшей мере двадцать коттеджей, и в июле или августе в большинстве из них жили люди... но сейчас был не июль и не август. Стоял конец октября.

«Пожалуй, никто вокруг не услышал бы даже выстрела, – подумал Рейни. – А если бы кто и услышал, то решил бы, что кто-то охотится на перепелов или фазанов – сейчас как раз начался охотничий сезон».

– Я могу уверить вас...

– Я знаю, что вы можете, – сказал человек в черной шляпе все с тем же неземным спокойствием. – Я *знаю* об этом.

За спиной незнакомца Морт видел его машину. Это был старый фургон, который, судя по внешнему виду, исколесил на своем веку немало дорог, но редко имел дело с нормальным асфальтовым покрытием. Он разглядел, что номера на машине были не местные, но так и не понял, какого они штата, – Морт уже давно знал, что ему пора пойти к окулисту и поменять очки. В начале прошлого лета он было собрался совершить эту процедуру, но тут ему позвонил Генри Янг и спросил, кто этот парень, с которым Эми гуляла в парке, – может быть, какой-нибудь родственник? И началась цепь подозрений, которая ужасно быстро и незаметно переросла в бракоразводный процесс. На Морга обрушился целый поток дерьма, и в течение нескольких месяцев ему пришлось тратить все свое время и энергию на отвратительные выяснения семейных отношений. Хорошо было, если он в те времена не забывал сменить нижнее белье. А уж такие эзотерические предприятия, как поход к окулисту, пришлось отложить на неопределенное будущее.

– Если вы хотите высказать кому-нибудь свою обиду, – неуверенно начал Морт, ужасаясь своему голосу, булькающему как паровой котел, – то можете обратиться к моему аген...

– Это дело касается только нас с вами, – терпеливо объяснил стоящий в дверях человек.

Бамп, кот Морта, свернувшись в клубок, лежал на низком мусорном ящике возле дома – в этих местах мусор лучше держать закрытым, иначе еноты растащат его по всему двору. Кот потянулся, спрыгнул на землю и грациозно проскользнул под ногами незнакомца. Тот даже не отвел глаз от лица Рейни.

– Посторонние тут ни при чем. Это касается исключительно нас с вами, – повторил странный мужчина.

– Если вы намерены обвинить меня в плагиате, то предупреждаю, что мне это не нравится, – сказал Морт.

Он старался говорить как можно осторожнее, так как знал, что представители Племени Безумцев могут быть опасны. Не стоит с ним спорить, пожалуй. Но, судя по всему, пистолета у этого человека не было, и Морт прикинул на глаз, что веса в нем фунтов пятьдесят. *Кажется, я лет на пять – десять моложе его*, подумал Рейни. Он читал где-то, что некоторые душевнобольные обладают невероятной физической силой, но все-таки – будь он проклят, если собирается просто стоять и молча слушать, как этот человек, которого он видит впервые в жизни, утверждает, что он, Мортон Рейни, украл его рассказ. Он не позволит издеваться над собой.

– Я понимаю, что вам это не нравится, – снова заговорил человек в черной шляпе, все так же спокойно и безмятежно: как терапевт, которому нужно успокоить ребенка, прежде чем сделать ему укол. – Но ведь вы это сделали. Вы украли мой рассказ.

– Вам придется уйти, – сказал Морт: он окончательно проснулся и уже не испытывал смущения и неудобства. – Мне нечего вам сказать.

– Да, я уйду, – согласился человек. – Мы поговорим позже.

Он протянул свою рукопись, и Морт машинально чуть не взял ее, едва успев опустить руку, прежде чем его незванный и неожиданный гость попытался положить в нее свои бумаги, – как судебный исполнитель, вручающий повестку в суд человеку, долго от нее скрывавшемуся.

– Я не буду это брать, – сказал Морт. И изумился самому себе – насколько все-таки велика приспособляемость человека: стоит кому-то что-то вам протянуть, и ваша первая реакция – взять это. Не важно, чек ли это на тысячу долларов или связка динамита с подожженным фитилем, ваша первая реакция – взять.

– Если вы вздумаете шутить со мной, ничего хорошего из этого не выйдет, – мягко объяснил человек. – Это дело нам *придется* уладить.

– Вряд ли я смогу вам чем-то помочь. – Морт закрыл дверь перед этим изборожденным морщинами, подержанным и каким-то безвременным лицом.

Писатель испугался всего на секунду или на две. Это произошло, когда до его еще чуть затуманенного сном сознания наконец дошло, что именно говорил этот человек. Потом страх уступил место гневу – гневу из-за того, что его потревожили, когда он спал, и потревожил не кто иной, как представитель Племени Безумцев.

Едва щелкнул замок, страх вернулся. Морт плотно сжал губы, ожидая, что сейчас этот человек снова постучит. Но этого не произошло, и Морт решил, что незнакомец по-прежнему стоит на веранде, спокойный и терпеливый, дожидаясь, когда писатель снова откроет дверь. Ведь рано или поздно он все равно это сделает.

Затем раздался глухой стук и скрип удаляющихся по половицам веранды шагов. Морт прошел в спальню, откуда можно увидеть дорогу. Здесь было два больших окна, одно выходило на дорогу, за которой высился холм, из другого открывался вид на склон, полого опускающийся к безмятежной голубой поверхности озера Тэшмор. В окнах стояли зеркальные стекла, а это означало, что если кто-то попытается заглянуть в дом, то не увидит ничего, кроме своего искаженного отражения, пока не уткнется носом в стекло и не прищурит глаза.

Человек в рабочей рубашке и голубых джинсах с манжетами шел к своему старому фургону. Из окна Морт наконец разглядел номера на машине – они принадлежали штату Миссисипи. Ах *черт*, подумал Морт, *когда человек открыл дверцу машины, он оставил пистолет в машине. Он не взял его с собой, так как надеялся, что сможет меня урезонить... Хотя неизвестно, что он имел в виду под этим словом. Сейчас он возьмет пистолет и вернется. Наверняка пистолет в бардачке или где-то под сиденьем...*

Но человек сел за руль, помедлил ровно столько, сколько понадобилось ему, чтобы снять свою черную шляпу и бросить рядом на сиденье, затем захлопнул дверцу и завел мотор. *В нем что-то изменилось*, мгновенно отметил Морт. Но лишь когда неожиданный посетитель двинулся по дороге и исчез из поля зрения за густыми кустами, которые писатель вечно забывал подстригать, он понял, что именно изменилось.

Человек возвращался к машине, и в его руке уже не было рукописи.

2

Она лежала на веранде. У двери был камень, которым прижимали почту, чтобы газеты и письма не разлетались от ветра по всему двору. Глухой стук, который писатель услышал, подтверждал, что незнакомец опустил этот камень на свою рукопись.

Морт стоял в дверях и смотрел на нее, не вынимая рук из карманов штанов цвета хаки. Он знал, что сумасшествие не заразно (за исключением редких случаев длительного контакта с безумцами, предположил он), и все-таки ему совсем не хотелось трогать эту проклятую вещь. Однако, так или иначе, сделать это придется. Рейни пока не знал, сколько времени ему предстоит провести здесь – день, неделю, месяц, год – сейчас все казалось одинаково вероятным, – поэтому он не мог просто оставить эту дурацкую рукопись на веранде. Скоро придет Грег Карстейерс, местный рабочий, ремонтировать крышу и непременно поинтересуется, что это там такое лежит. Хуже того, рабочий наверняка решит, что это бумаги Морта, и придется вдаваться в длительные объяснения, которых дурацкая рукопись вовсе не стоила.

Морт простоял в дверях, пока звук мотора автомобиля посетителя не растворился в мягкой полуденной тишине, затем вышел на веранду, осторожно ступая по ней босыми ногами (крыльцо давно нуждалось в покраске, сухие доски потрескались, и, наступая на них, можно было занозить ногу), и откинул камень в заросшую можжевельником канаву. Поднял небольшую стопку бумаг, сверху лежал титульный лист. Он прочитал:

ДЖОН ШУТЕР¹

СЕКРЕТНОЕ ОКНО, СЕКРЕТНЫЙ САД

Невольно Морт почувствовал облегчение. Он никогда не слышал о Джоне Шутере, никогда в жизни не читал и тем более не писал рассказ с названием «Секретное окно, секретный сад».

Он направился в гостиную, по дороге бросил рукопись в мусорное ведро, снова лег на кушетку и через пять минут заснул.

Ему приснилась Эми. В эти дни он очень много спал и очень часто видел во сне Эми. После этого Морт часто просыпался от своего хриплого крика и уже перестал этому удивляться. Просто надеялся, что когда-нибудь это пройдет.

¹ Шутер – *Shooter* (англ.) – буквально: Стрелок. – Примеч. пер.

3

На следующее утро он, как обычно, сидел за компьютером в углу гостиной, специально оборудованном для работы. Компьютер был включен, но Морт смотрел в окно, на озеро. Две моторные лодки прорезали на голубой воде широкие белые полосы. Сначала он решил, что это рыбаки, но лодки ни разу не сбавили ход, а носились по озеру, нарезая круги друг перед другом. «Дети, – решил писатель. – Просто веселятся».

Они не делали ничего интересного, впрочем, как и он сам. С тех пор, как Морт расстался с Эми, он не написал ничего хоть мало-мальски ценного. Правда, как обычно, с девяти до одиннадцати он просиживал перед компьютером, как делал это каждый день в течение последних трех лет (и еще тысячу лет до этого просиживал два часа за старой пишущей машинкой «Ройял»), но с тем же успехом он мог бы все это время носиться с детьми на моторных лодках.

Сегодня за два часа работы Морт Рейни создал следующие бессмертные строки:

Через четыре дня после того, как Джордж окончательно выяснил, что
жена изменяет ему, он взглянул Эбби прямо в лицо.

– Я хочу поговорить с тобой, – сказал он.

Это было из рук вон плохо.

Это было слишком похоже на настоящую жизнь, чтобы быть хорошо. В реальной жизни Морт никогда не был так решителен. Может быть, в этом и была его проблема.

Он выключил компьютер и, щелкнув кнопкой, понял, что забыл сохранить текст в памяти. Что ж, это к лучшему. Наверное, в его подсознании жил критик, который подсказал, что такой текст и сохранять не стоит.

Миссис Гавин, видимо, уже закончила уборку на лестнице жужжание пылесоса наконец стихло. Она приходила убираться каждый вторник. Две недели назад Морт сообщил ей о разводе с Эми, и миссис Гавин была так потрясена, что надолго погрузилась в несвойственное ей молчание. Мистер Рейни давно подозревал, что Эми нравилась ей гораздо больше, чем он. И все-таки помощница по-прежнему приходила к нему по вторникам, и Морт решил, что это уже немало.

Он встал и вышел в гостиную. Миссис Гавин спускалась по лестнице. Сжимая в руках шланг, она тащила пылесос за собой. Цилиндрический прибор семенил следом за ней, как механическая собачка, глухо стучаясь о ступеньки. *Если бы я вздумал спустить пылесос по лестнице, дергая его за шланг, он бы непременно стукнул меня по ноге и перевернулся*, подумал Морт. *Интересно, как у нее это получается?*

– Добрый день, миссис Гавин, – сказал он и пересек гостиную, направляясь на кухню. Он хотел выпить коку. После бездарной работы его всегда мучила жажда.

– Здравствуйте, мистер Рейни.

Писатель пытался заставить миссис Гавин называть его просто Морт, но она не сдавалась, даже не соглашалась звать Мртоном. Миссис Гавин была женщиной с принципами, хотя эти принципы вовсе не мешали ей называть жену Рейни просто по имени.

Может быть, мне следовало сказать ей, что я застал Эми в постели с другим мужчиной? – подумал Морт, толкая шарнирную дверь. *Возможно, после этого она снова бы стала называть ее миссис Рейни.*

Это были гадкие мысли. По всей видимости, они были как-то связаны с его творческими неудачами, но Морт ничего не мог с собой поделать. Просто надеялся, что и они тоже когда-нибудь пройдут, как сны. Подумав об этом, Морт почему-то вспомнил наклейку, которую видел как-то раз на бампере старенького «фольксвагена»: «ЗАПОРЫ НЕ ПРОХОДЯТ».

Едва дверь кухни закрылась за ним, как миссис Гавин крикнула:

– Я нашла в мусоре один из ваших рассказов, мистер Рейни Решила, что это может вам понадобиться, и положила его на буфет.

Морт не имел ни малейшего представления, о чем идет речь. У него не было привычки бросать неудачные рукописи в мусорное ведро на кухне, а если он и писал какую-нибудь ерунду, особенно в последнее время, то сразу же стирал этот текст не распечатывая или откладывал его в специальную папку, лежащую справа от компьютера.

Рейни даже не вспомнил о человеке в черной квакерской шляпе с изборожденным морщинами лицом.

Морт достал из холодильника две тарелки с какими-то бесформенными остатками, обнаружил бутылку пепси и открыл ее. Бросая пластмассовый стаканчик в мусорное ведро, он увидел прикрепленную скрепкой к буфету рукопись – ее титульный лист был забрызган апельсиновым соком, но все остальное было в порядке.

Теперь он вспомнил. Правильно, Джон Шутер. Один из представителей Племени Безумцев, филиал Миссисипи.

Глотнув пепси. Морт взял рукопись, переложил титульный лист лицом вниз и увидел наверху первой страницы:

Джон Шутер
До востребования
Деллакоурт, Миссисипи.

30 страниц
Около 7500 слов
Продаются права на первую публикацию.
Северная Америка.

Джон Шутер

СЕКРЕТНОЕ ОКНО, СЕКРЕТНЫЙ САД

Рукопись набрана на дорогой бумаге и аккуратно переплетена, но пишущая машинка была совсем никудышной – судя по изношенному шрифту, с буквами кривыми, как зубы старика.

Он прочел первое предложение, затем второе, третье, потом остановился на несколько секунд, чтобы встряхнуться.

Тодд Дауни считал, что женщина, укравшая вашу любовь, которая составляла единственную ценность вашей жизни, была уже не совсем женщиной. Поэтому и решил ее убить. Он решил, что сделать это лучше всего в укромном месте, там, где сходились стены дома и амбара, образуя острый угол. Он решил, что сделать это лучше всего там, где у его жены был сад.

– Ах черт! – сказал Морт и положил рукопись, задев рукой бутылку пепси. Жидкость вспенилась, зашипела на стойке и потекла вниз по шкафу. – Ах черт! – выкрикнул он.

Миссис Гавин поспешила ему на помощь и быстро все убрала.

– Ничего страшного. Вы так закричали, что я решила, будто вы порезали горло. Вы не могли бы чуть подвинуться, мистер Рейни?

Он подвинулся, и первым делом она взяла со стойки рукопись и сунула ему в руки. Листы совсем не пострадали – вода потекла мимо. Когда-то у него было довольно неплохое чувство

юмора – во всяком случае, Морт так считал, – но сейчас, взглянув на пачку бумаг у себя в руках, он лишь скривился в кислой гримасе. «Прямо сказка про белого бычка», – подумал он.

– Если вы хотели испортить ее, – заметила миссис Гавин, кивая на рукопись и доставая из-под раковины тряпку, – то вы были на верном пути.

– *Она не моя*, – резко ответил Морт и тут же понял, как смешно это прозвучало.

Вчера, когда уже протянул руку, чтобы взять рассказ у того человека, он подумал о том, как велика сила внушения. Очевидно, это относится ко всем чувствам человека, потому как первое, что Морт ощутил, прочитав эти четыре предложения, было чувство вины... А разве не это пытался вызвать в нем Шутер (если это, конечно, его настоящее имя)? *Вы украли мой рассказ*, сказал он. А вор должен мучиться угрызениями совести.

– Вы позволите, мистер Рейни? – спросила миссис Гавин, держа в руках тряпку.

Он отошел, чтобы помощница по дому могла убрать пролитую воду.

– Она не моя, – повторил Морт, намереваясь все-таки донести этот факт до ее сознания.

– Да, да, – сказала миссис Гавин, вытирая лужи на стойке и отходя к раковине, чтобы выжать тряпку. – Похоже, что действительно не ваша.

– Здесь написано, что ее автор – Джон Шутер, – объяснил Морт, снова перекладывая титульный лист наверх. – Видите?

Она соблаговолила взглянуть из вежливости на титульный лист и принялась протирать дверцу шкафа.

– А я решила, что это один из ваших – как бишь их там? – псевдонимов. Ведь так называются вымышленные фамилии в писанине?

– Я не пользуюсь псевдонимами. У меня никогда их не было.

На этот раз она все-таки взглянула *на него* – с деревенской пронизательностью и едва заметной иронией, – затем опустилась на колени, чтобы вытереть лужи на полу, и пробормотала:

– Вряд ли бы вы сообщили их мне, если бы они у вас были.

– Простите, что я такой неловкий.

– Это моя работа, – коротко ответила она, даже не взглянув на него.

Морт понял намек и удалился. Он остановился на несколько секунд в гостиной, посмотрел на еще не убранный с ковра пылесос, и в голове снова зазвучал голос незнакомца: *Это дело касается только нас с вами. Посторонние тут ни при чем, мистер Рейни. Это касается исключительно нас с вами.*

Морт постарался вспомнить лицо странного гостя. Сделать это оказалось несложно – благодаря своей профессии писатель хорошо запоминал лица и жесты. Вспомнив все до мельчайших деталей, Морт пришел к твердому убеждению: *это не просто невольное заблуждение или причудливый способ знакомиться со знаменитыми писателями. Этот человек еще вернется.*

И Морт Рейни решительно направился в кабинет, так же решительно сворачивая на ходу рукопись в трубочку.

4

Три стены кабинета занимали книжные полки, и на одной из них, висящей в стороне от других, стояли написанные им книги. Тут были разные из Дания, американские и иностранные. Всего за свою карьеру Морт Рейни опубликовал шесть книг: пять романов и сборник рассказов. Поначалу его рассказы и первые два романа нравились только родственникам и ближайшим друзьям. Но третий роман, «Мальчик учителя музыки», сразу же стал бестселлером. После того как Морт добился признания, ранние работы были переизданы и хорошо продавались, но не пользовались такой же популярностью, как его поздние произведения.

Сборник рассказов назывался «Каждый бросает по монете», и большинство вошедших в него рассказов первоначально были опубликованы в мужских журналах, где их украшали фотографии женщин, на которых не было ничего, кроме толстого слоя грима. Но один рассказ впервые увидел свет в известном «Журнале мистических историй Эллери Квина». Рассказ назывался «Посевной сезон», и именно его Морт сейчас нашел в своем сборнике.

Женщина, укравшая вашу любовь, которая составляла единственную ценность вашей жизни, была уже не совсем женщиной – так по крайней мере считал Томми Хейвелок. Он решил убить ее. Даже знал место, где бы мог сделать это, очень подходящее место: в маленьком саду, который она устроила в углу, образованном стенами дома и амбара.

Морт сел и медленно перечитал оба рассказа, переводя взгляд с одного текста на другой. Добравшись до середины, он понял, что читать дальше уже не обязательно. Кое-где встречались маленькие стилистические различия, но основная часть текста совпадала полностью, слово в слово. В обоих рассказах герой убивал свою жену. В обоих рассказах жена была холодной стервозной сукой, неспособной на любовь. Ее не интересовало ничего, кроме ее сада и консервирования овощей. В обоих рассказах убийца хоронит супругу в ее саду, а потом заботливо ухаживает за садом и выращивает удивительный урожай. В варианте Мортон Рейни это были бобы. У Шутера – кукуруза. В обеих историях убийца в конце концов сходит с ума, и в момент, когда его обнаруживает полиция, он жадно пожирает свой урожай и объясняет, что должен был избавиться от нее, что рано или поздно неминуемо должен был избавиться от нее.

Морт никогда не считал себя знатоком жанра ужасов – в «Посевном сезоне», по сути, не было ничего ужасного и сверхъестественного, – и все-таки у читателей от этого небольшого рассказа бегали мурашки по коже. Эми, дочитав его до конца, поежилась и сказала:

– Наверное, это действительно хороший рассказ, но слишком мужской... Боже, Морт, какая куча дряни.

У него и самого этот рассказ вызывал подобные чувства. Пейзажи «Посевного сезона» совсем не располагали к путешествиям и вовсе не являлись «сердцем истории», но все-таки Морт считал, что неплохо поработал, а уж описание домашнего быта Тома Хейвелока ему просто удалось. Это признали и редактор «Журнала мистических историй Эллери Квина», и читатели – рассказ вызвал благоприятную почту. Редактор просил написать для них что-нибудь еще, но с тех пор Морт не писал ничего, хотя бы отдаленно похожего на «Посевной сезон».

– Я знаю, что справлюсь с этим, – сказал Тодд Дауни, вылавливая из кипящего котла еще один початок кукурузы. – Я уверен, что со временем все связанное с ней канет в Лету.

Так закончил свой вариант Шутер.

– Я уверен, что смогу справиться с этим делом, – сказал им Том Хейвелок и выловил из переполненного кипящего котла еще одну порцию бобов. – Я уверен, что со временем ее смерть станет тайной даже для меня самого.

Так закончил рассказ Морт Рейни.

Морт закрыл книгу и задумчиво поставил ее на полку. Затем он сел за стол и принялся медленно и методично исследовать его ящики. Стол был большим, таким большим, что заносить его в комнату пришлось по частям. Ящиков было огромное множество. Этот стол считался неприкосновенной собственностью писателя: ни Эми, ни миссис Гавин никогда не открывали его, и в ящиках было полно всяческого хлама, скопившегося за многие годы. Прошло четыре года с тех пор, как Морт бросил курить, и если в доме до сих пор остались какие-нибудь сигареты, то они могли быть только здесь. Если бы он их сейчас нашел, то закурил бы. Хотя обычно не переносил запаха дыма. Если бы сигарет не оказалось, тоже ничего страшного: копаясь в этом хламе, Морт успокаивался. Старые письма, которые отложил, чтобы ответить на них, но так и не сделал этого, теперь казались настоящим антиквариатом, от них веяло чем-то таинственным; открытки, которые он купил, но так и не отправил, кипы рукописей, коробка со старыми кнопками, конверты, скрепки, оплаченные счета. Он мог как в срезе земной коры проследить геологические слои – застывшие останки проведенных здесь летних месяцев. Это успокаивало. Он покончил с одним ящиком и перешел к следующему, все время думая о Джоне Шутере и о только что прочитанном рассказе Джона Шутера – *своем* рассказе, черт побери!

Самым очевидным был тот факт, что после чтения *этого* рассказа ему необходима была сигарета. Такая потребность за последние четыре года возникала у него не впервые; были времена, когда едва Морт замечал, что кто-нибудь в соседнем автомобиле выпускает клубы дыма, у него моментально возникало яростное желание закурить. Но ключевым словом всегда оставалось определение «моментально». Такие вспышки быстро проходили, как летний шквал дождя: внезапно с неба падала слепая серебристая дождевая завеса, а через пять минут уже снова сияло солнце. Он никогда не испытывал потребности свернуть по дороге к ближайшему магазинчику за пачкой сигарет... или покопаться в поисках случайной сигареты в бардачке, как рылся сейчас в своем столе.

Морт чувствовал себя *виноватым*, и это было просто нелепо. Он не крал рассказа у Джона Шутера, он прекрасно знал, что не делал этого, и все-таки рассказ действительно был украден (а иначе быть не могло. Морт не мог поверить в то, что два разных человека могли случайно написать такие похожие тексты), значит, вероятнее всего, именно Шутер украл рассказ у него.

Ну разумеется.

Это было ясно как день, как нос на его лице... как круглая черная шляпа на голове Джона Шутера.

И все-таки Морт по-прежнему был расстроен, чувствовал себя выбитым из колеи, виноватым... Он ощущал себя проигравшим *в какой-то странной игре*, для которой не мог найти подходящего слова. Но почему? Что ж... потому что...

В этот момент Морт достал из ящика ксерокопию романа «Мальчик учителя музыки» и там, под бумагами, обнаружил пачку сигарет «L&M». Интересно, выпускают ли сейчас *такие* сигареты? Он не знал. Пачка была старой, смятой, но определенно не пустой. Он вытащил ее, осмотрел со всех сторон. Исходя из законов залегания, или, выражаясь научнее, столочедения, он определил, что купил эту пачку в 1985 году.

Он заглянул внутрь пачки и увидел три маленьких гвоздика, какими забивают крышку гроба. Они были уложены в ряд.

Путешественники во времени из другой эпохи, подумал Морт. Он сунул одну из сигарет в рот и отправился на кухню, чтобы взять спичку из коробки на камине. *Путешественники во времени из другой эпохи пробрались сюда сквозь года и столетия. Терпеливые цилиндрические странники, чья миссия – ждать, терпеливо ждать подходящего момента, чтобы, наставить меня на путь, ведущий к раку легких. Кажется, наконец-то их время пришло.*

– Наверняка у них отвратительный вкус, – произнес он в пустом доме (миссис Гавин уже давно ушла) и подпалил кончик сигареты.

Впрочем, сигареты оказались отнюдь не отвратительными. На вкус они были довольно хороши. Морт направился в свой кабинет, выпуская клубы дыма и чувствуя приятное головокружение. *Ах проклятая живучесть пагубных привычек*, подумал он. Как сказал Хемингуэй? Ни этим августом, ни этим сентябрем – в этом году ты можешь делать все, что тебе угодно. Но придет время. Оно всегда приходит. Рано или поздно ты снова сунешь что-нибудь в свой большой старый рот. Выпивку, сигареты, может быть, дуло пистолета. Ни этим августом, ни этим сентябрем...

...к сожалению, был октябрь.

Исследуя более поздний слой залеганий в столе, он обнаружил старую банку с солеными орешками. Банка была еще наполовину полной. Попробовать орехи он не решился, но крышка банки оказалась отличной пепельницей. Морт сел за стол, посмотрел на озеро (как и миссис Гавин, лодки, которые раньше там плавали, тоже исчезли), наслаждался своей старой отвратительной привычкой и обнаружил, что теперь может думать о Джоне Шутере и о рассказе Джона Шутера даже не теряя самообладания.

Безусловно, этот человек принадлежал к Племени Безумцев: теперь в этом не было никаких сомнений. Что же касается того, что Морт испытал, когда обнаружил, что рассказы действительно очень похожи...

Что ж, литературное произведение всегда представляет собой предмет. *Конкретный* предмет – во всяком случае, к нему можно относиться как к конкретному предмету, особенно если кто-то покупает его у вас. Но в другом, более высоком смысле оно вовсе не является предметом. С одной стороны, любой рассказ столь же конкретен, как ваза, стул или автомобиль. Он представляет собой чернила на бумаге, хотя дело вовсе не в чернилах и не в бумаге. Морта часто спрашивали, откуда он берет свои идеи, и хотя писатель посмеивался над этим вопросом, при этом его всегда охватывал смутный стыд. Потому что в глубине души он чувствовал свою неискренность. Казалось, все вокруг думают, будто где-то существует Центральный Склад Идей (точно так же, как существует кладбище слонов или легендарный потерянный город золота), а у Морта есть секретная карта, с помощью которой он может ездить туда и обратно.

Морт Рейни должен помнить, *где именно он был*, когда к нему приходила определенная идея. Писатель знал, что идея часто появлялась в результате того, что он увидел или почувствовал некую странную связь между предметами, событиями или людьми, между которыми прежде вроде бы и не было никакой связи. Именно таким образом в его голове рождались замыслы, которые позже воплощались в рассказы и романы. Что же касается того, почему именно Морт видел и чувствовал эти связи и почему, заметив их, испытывал желание описать их... об этом он не имел ни малейшего представления.

Если бы Джон Шутер пришел к нему и, вместо того чтобы сказать: «Вы украли мой рассказ», сказал бы: «Вы украли мою машину», Морт быстро и решительно справился бы с ним. Даже если бы речь шла о машинах одной модели, одного цвета и года выпуска. Он бы показал человеку в черной шляпе паспорт на свой автомобиль, предложил бы ему сравнить номер на розовой карточке с тем, что выбит над дверцей, и прогнал бы этого Шутера прочь.

Но когда у вас появляется идея рассказа, никто не дает вам под нее закладную. Зарождение идеи проследить невозможно. Разве можно получить закладную под то, что нельзя уви-

деть, потрогать, понюхать? Когда вы продаете свое произведение, вам прежде всего предстоит понять всю систему финансовых взаимоотношений, вам предстоит выдержать множество неприятностей, так как эти ублюдки – из журналов, газет, книжных издательств и кинокомпаний – будут всячески стараться сбавить цену. Но сама идея приходит к вам свободной, чистой и не связанной никакими финансовыми отношениями. «Вот в чем дело», – решил Морт. Вот почему он испытывал чувство вины, хотя точно знал, что ни слова не переписал у фермера Джона Шутера. Он чувствовал вину, потому что творчество *всегда*, чуть-чуть похоже на воровство. И здесь уж ничего не изменишь. Просто случилось так, что Джон Шутер оказался первым, кто бросил ему в лицо это обвинение. Морт понял, что в глубине души уже давно ожидал чего-то подобного.

Морт смял сигарету и решил было вздремнуть, но подумал, что для оздоровления как умственного, так и физического состояния было бы неплохо что-нибудь съесть, почитать часа полтора, а затем немного прогуляться у озера. Он слишком много спал, а это один из признаков депрессии. Но, не дойдя до кухни, он свернул в гостиную и оказался возле длинной кушетки, стоящей у стеклянной стены. «Черт с ним, – подумал Морт, подкладывая одну подушку под шею, а другую под голову. – У меня депрессия».

Перед тем как погрузиться в сон, он мысленно несколько раз повторил: *Я ему еще покажу. Не такой уж он и крутой. Просто плагиатор.*

5

Ему приснилось, что он заблудился в поле, на котором росла огромная кукуруза. Спотыкаясь, пробирался от одной грядки к другой. Над его головой сверкало солнце, отражаясь от наручных часов, по полдюжине на каждой руке, и все показывали разное время.

– Помогите! – закричал Морт. – Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне! Я заблудился! Мне страшно!

Внезапно колосья кукурузы перед ним зашелестели. С одной стороны из них показалась Эми. С другой стороны вышел Джон Шутер. Оба они держали ножи.

Я уверен, что смогу справиться с этим делом, говорил Шутер, когда они оба, подняв ножи, двигались на Морта. *Я уверен, что со временем твоя смерть станет тайной даже для нас самих.*

Морт бросился бежать, но чья-то рука – он был уверен, что это была рука Эми, – схватила его за пояс, швырнула на спину. И когда ножи сверкнули в горячем солнце этого громадного секретного сада...

6

Его разбудил телефонный звонок. С того времени, как он лег на кушетку, прошел час и пятнадцать минут. Морт с трудом вырвался из кошмара – кто-то преследовал его, это единственное, что он мог ясно вспомнить, – и сел. Тело пылало огнем: казалось, каждый дюйм его кожи был залит потом. Пока он спал, солнце переползло на другую сторону дома и бог знает сколько времени поджаривало его сквозь стеклянную стену.

Морт медленно заковылял в коридор, к столику с телефоном. Он чувствовал себя как водолаз, идущий по дну реки против течения, клевал носом при каждом шаге, во рту стоял вкус кошачьей мочи. Казалось, стоило ему приблизиться на шаг к двери, как та отступала на такое же расстояние назад, и Морту уже не в первый раз подумалось, что ощущения в аду должно быть, очень похожи на то, что испытывает человек после слишком крепкого сна в жаркий полдень. Хуже всего было даже не физическое состояние. Тяжелее всего было невыносимое, лишаящее всяческих ориентиров чувство, будто находишься за пределами самого себя – будто ты просто наблюдаешь за самим собой в телекамеру с затуманенными линзами. Морт поднял трубку, ожидая услышать Шутера.

Конечно, это будет он – единственный человек в этом огромном мире, с которым мне не следует говорить сейчас, когда я в таком беззащитном состоянии, когда одна половина моего сознания, кажется, не знает, где находится другая. Конечно, это он, кто же еще?

– Аллю?

Это был не Шутер. Но, услышав голос на другом конце провода, мистер Рейни с грустью понял, что существует по крайней мере еще один человек, с которым ему не следует говорить, пребывая в этом расслабленном состоянии.

– Привет, Морт! У тебя все в порядке? – спросила Эми.

7

Немного позднее, в этот же день, Морт надел свою большую красную фланелевую рубашку, которую ранней осенью использовал вместо ветровки, и вышел на прогулку, что следовало сделать гораздо раньше. Кот Бамп пошел было за ним, но скоро вернулся к дому.

Морт брел медленно и задумчиво, вдыхая в себя аромат прелестного дня, казалось, целиком состоящего из голубого неба, красных листьев и золотого воздуха. Он брел, засунув руки в карманы, словно пытаясь кожей впитать спокойствие озера, которое всегда действовало на него умиротворяюще. Морт полагал, что именно за этим сюда и приехал из Нью-Йорка, где, как была уверена Эми, он будет страдать по поводу их уже неминуемого развода.

Это было волшебное место, особенно осенью, и именно здесь писатель чувствовал, что если на планете и есть печальный странник, который нуждается в волшебстве, то это именно он, Мортона Рейни, хотя понятия не имел о том, что будет делать, если вдруг обнаружит, что старое доброе волшебство уже не действует и писательство превратилось в обычное неблагодарное ремесло.

Вскоре Морт понял, что беспокоился зря. Приезжающие на лето уже покинули эти края, и тишина и странное состояние безвременья, которое появлялось у озера Тэшмор осенью, все-таки подействовали на него: освободили от напряжения. Воздух будто ласково массировал ему лицо и руки. К тому же теперь он мог подумать не о каком-нибудь Джоне Шутере, а совсем о другом человеке – мог подумать об Эми.

– Разумеется, со мной все в порядке, – сказал ей Морт, осторожно ворочая языком, как пьяница, который пытается убедить людей, что абсолютно трезв.

По правде говоря, он так одурел от сна, что действительно *чувствовал* себя немного пьяным. Казалось, слова – осколки мягкой, крошащейся скалы – были слишком велики для его рта. Морт прилагал невероятные усилия, чтобы поддержать разговор, с трудом пробираясь сквозь общепринятый гамбит телефонной беседы.

– А как *ты*?

– О, прекрасно, я прекрасно! – И в трубке послышалась легкая трель смеха, которая обычно означала, что Эми либо флиртует, либо чертовски нервничает.

Морт сомневался, что в данных обстоятельствах ей вздумалось флиртовать с ним. Значит, нервничает. И, осознав это, он почувствовал себя чуть лучше.

– Я просто подумала, что ты там совсем один и, если что-нибудь случится, никто даже не узнает... – Она внезапно замолчала.

– Ну, на самом деле я не один, – мягко успокоил ее Морт. – Сегодня приходила миссис Гавин, и Грег Карстейерс всегда неподалеку.

– Да, я же забыла, что ты собираешься чинить крышу, – сказала Эми.

И он вдруг изумился тому, как естественно вели они этот разговор, будто и не было никакого развода. *Послушать нас*, подумал Морт, *никогда не догадаешься, что в мою постель залез вонючий агент по недвижимости... Или, вернее, туда, где должна была бы быть моя постель*. Бывший муж ждал, что к нему вернется гнев – боль, ревность, ярость обманутого, – но от всех этих чувств в его душе остался только легкий, неуловимый след.

– Зато Грег об этом не забыл, – заверил Морт ее. – Он приходил вчера и ползал по крыше полтора часа.

– Ну и что же там с ней творится?

Они говорили о крыше еще минут пять или больше. За это время Морт почти проснулся. Они болтали так, словно ничего в их жизни не изменилось, говорили о крыше так, будто собирались провести следующее лето под новой кедровой кровлей, как провели последние девять

летних сезонов под старой. *Ах, как здорово, что у меня есть эта крыша,* подумал Морт. *Теперь я могу говорить с этой сукой хоть целую вечность.*

Прислушиваясь к самому себе, к своим репликам в разговоре, он все сильнее ощущал нереальность происходящего. Он снова возвращался в полубодрящее, полусонное состояние зомби, в котором находился, когда ответил на телефонный звонок, и в конце концов понял, что продолжать такой бред больше не в силах. Если это было соревнование в том, кто из них сможет дольше притворяться и врать, что за последние шесть месяцев в их жизни ничего не произошло, то он был готов уступить. Более чем готов.

Она спросила, где Грег будет покупать кедровые доски и собирается ли он нанимать бригаду из города, и Морт перебил ее:

– Зачем ты *позвонила*, Эми?

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина, и он почувствовал, как Эми, словно женщина, выбирающая шляпку, оценивает его вопрос, размышляя, принять предложенную интонацию или отвергнуть. Проявлялось одно из тех ее качеств – на самом деле их было несколько, – которые Морт откровенно ненавидел: двуличность Эми, о которой сама она даже не подозревала. От *этого* в нем снова зашевелился гнев.

– Я ведь уже *сказала* зачем, – наконец ответила она. – Узнать, все ли с тобой в порядке. – Ее голос звучал взволнованно и неуверенно, это обычно означало, что Эми говорит правду (а когда лгала, говорила так, будто сообщала, что земля круглая). – Просто у меня было предчувствие. Ты в них не веришь, но знаешь, что у меня бывают предчувствия, и я верю в них... правда, Морт?

Сейчас в ее словах не было ни капли привычного оборонительного раздражения. Напротив, Эми говорила так, будто просила его о чем-то.

– Да, я это знаю.

– Так вот, у меня было предчувствие. Я сделала себе сандвич на ленч и почувствовала, что ты... что, может быть, у тебя не все в порядке. Я держалась сколько могла – думала, это пройдет, но не прошло. В конце концов я позвонила. *С тобой* действительно все в порядке?

– Да.

– И ничего не случилось?

– Ну, если честно, то кое-что случилось, – наконец признался Морт.

Он вдруг подумал, что скорее всего Джон Шутер (*если это его настоящее имя*, настойчиво добавлял внутренний голос), прежде чем приехать сюда, пытался найти его в Дерри. Может быть, это Эми дала ему здешний адрес.

– Так я и *знала!* – воскликнула она. – Ты поранился из-за этого чертова ремонта?.. Или...

– Капитализации пока не требуется. – Он даже слегка улыбнулся. – Просто мелкие неприятности. Тебе что-нибудь говорит имя Джон Шутер?

– Нет, а в чем дело?

Он с раздражением выдохнул сквозь сжатые зубы. Эми, конечно, умная женщина, но у нее всегда было нечто вроде короткого замыкания между мозгами и языком. Он вспомнил старую шутку о том, что ей нужно ходить в майке с надписью:

СНАЧАЛА ГОВОРИ, ПОТОМ ДУМАЙ.

– Только не руби плеча. Помолчи несколько секунд и действительно подумай. Этот парень довольно высокого роста, примерно шести футов, лет ему, пожалуй, сорок пять. На вид он кажется старше, но *двигается* как человек лет сорока пяти. Лицо деревенское, загорелое, все в морщинах. Мне даже показалось, что он похож на персонажа Фолк...

– Что все это значит, Морт?

И нахлынули прежние чувства: он вновь отчетливо понял, почему, испытывая такие муки, он упорно отвергал терзающие его – как правило, по ночам – мысли о том, а не могли бы они хотя бы *попытаться* каким-то образом приспособиться друг к другу. Морт полагал, что, если будет просить достаточно долго и достаточно усердно, она согласится. Но факты оставались фактами: в их браке было гораздо больше острых углов, чем в отношениях Эми с этим продавцом недвижимости. Вот и сейчас в ее голосе снова появились сверлящие нотки – еще один симптом взаимонепонимания, убившего их семью. *Ну и что же ты теперь собираешься делать?* – слышалось Морту в ее словах, в ее настойчивом требовании ответа: *В какую историю ты вляпался на этот раз? Ну-ка объясни!*

Он закрыл глаза и снова, прежде чем ответить, со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Затем рассказал ей о Джоне Шутере, и о рукописи Шутера, и о своем собственном коротком рассказе. Эми прекрасно помнила «Посевной сезон», но сказала, что никогда не слышала о человеке по имени Джон Шутер – такое имя нелегко забыть, добавила она, и Морт был согласен с ней. Конечно же, Эми не видела Шутера.

– Ты уверена? – все-таки настаивал Морт.

– Да, уверена. – Судя по голосу, ее раздражали глупые расспросы Морта. – С тех пор, как ты ушел от меня, я не видела никого, похожего на человека, которого ты описал. И прежде чем ты снова скажешь мне, чтобы я не рубила сплеча, позволь уверить тебя, что я очень хорошо помню все, что произошло с тех пор.

Эми замолчала, и он понял, что последние слова дались ей с трудом, возможно, даже с настоящей болью. И в глубине души Морт почувствовал, что радуется этому, хотя сознание его при этом вовсе не испытывало никакой радости – оно испытывало отвращение, обнаружив в себе способность радоваться такому поводу. Подлинного праздника, конечно, не было, чувство радости было едва ощутимым и оказалось абсолютно невосприимчивым к попыткам Морта искоренить его.

– Может быть, Тед его видел? – сказал он.

Тед Милнер был тем самым агентом по недвижимости. Морту по-прежнему с трудом верилось, что ради этого агента Эми бросила его, известного писателя. Морт считал, что в этом-то и заключалась одна из причин его неудач, что в этом проявлялось его самомнение, из-за которого он и докатился до нынешнего состояния. Впрочем, он и не собирался доказывать кому-то, а уж тем более самому себе, что был невинным ягненком, разве не так?

– Ты думаешь, сказал что-то смешное? – В голосе Эми прозвучали злость, смущение, печаль и вызов одновременно.

– Нет. – И Морт снова почувствовал усталость.

– Теда здесь нет, – безжалостно продолжила она. – Тед сюда почти не приходит. Я... Я сама хожу к нему.

Спасибо, Эми, что сообщила мне об этом, чуть не сказал Морт, но вовремя спохватился. Было бы здорово хоть один разговор закончить без взаимных обвинений. Поэтому он не стал благодарить бывшую жену за то, что она поделилась с ним этой новостью, не стал говорить бывшей жене, что все еще можно изменить, и больше того – Морт не стал ее спрашивать: «Что, черт побери, с тобой происходит, Эми?»

Главное, он не стал задавать этот вопрос потому, что затем и Эми могла бы спросить о том же самом его.

8

Она посоветовала ему позвонить Дейву Ньюсаму, констеблю Тэшмора, – ведь этот Шутер мог оказаться и опасным. Морт сказал, что пока что не видит в этом необходимости, но если «Джон Шутер» появится снова, то действительно звякнет Дейву. Обменявшись еще несколькими расхожими любезностями, оба повесили трубки. Он понимал, что по-прежнему причиняет ей жгучую боль, намекая на то, что, быть может, в эту минуту Тед сидит на стульчике медвежонка Морти или спит в кроватке медвежонка Морти, но просто не мог удержаться и не упомянуть в разговоре Теда Милнера. В конце концов, этот человек стал частью жизни Эми. И потом, ведь *она сама* позвонила ему. У Эми появилось очередное предчувствие, и она ему позвонила.

Морт добрался до того места, где дорожка, идущая вдоль озера, разветвлялась на две тропинки. Правая карабкалась по крутому берегу и вновь спускалась к шоссе. Мистер Рейни медленно шел по ней, наслаждаясь многоцветием осени. Миновал последний поворот, и перед ним появилась узкая лента черного асфальта. Увидев пыльный голубой фургон с номерами штата Миссисипи, привязанный, как вечно битый пес, к дереву, а рядом – худощавого Джона Шутера, облокотившегося на бампер и скрестившего на груди руки, писатель почему-то даже не удивился.

Морт ждал, что сейчас его сердце бешено забьется и в кровь мощной волной выбросится адреналин, но, как ни странно, сердце его продолжало работать в нормальном ритме. Морт оставался совершенно спокоен.

Солнце, скрывшееся за облаком, теперь снова улыбалось на небе, и осенние краски, и без того яркие, пламенем разгорелись вокруг. Показалась его тень, темная, длинная и четко обрезанная: круглая черная шляпа Шутера выглядела еще чернее, его голубая рубашка – еще голубее. А воздух был таким чистым, что казалось, будто фигура незнакомца была вырезана ножницами из ткани реальности, причем более яркой и жизнеподобной, чем та действительность, которая обычно окружала Мортону. Неожиданно он совершенно четко понял, почему не стал звонить Дейву Ньюсаму.

Правда заключалась в том, что Морт Рейни хотел разобраться с этим делом самостоятельно. *Может быть, просто доказать самому себе, что есть еще дела, с которыми я способен разобраться*, подумал он и начал взбираться на холм, туда, где, прислонившись к машине, его ждал этот Джон Шутер.

9

Пока Рейни брел по тропинке вдоль озера, перебирался через поваленные деревья или не спеша обходил их стороной, задерживался у воды, чтобы метнуть в нее подвернувшийся под руку плоский камень (мальчишкой у Морта это получалось здорово – назывались такие броски «скакалочкой», и камень у него подпрыгивал на воде целых девять раз, но сегодня его лучший результат был равен четырем прыжкам), он думал не только об Эми. Мысли его были и о том, что он будет делать, когда – и если – снова появится Шутер.

Обнаружив, как похожи их рассказы, Морт действительно испытал мимолетное – а может быть, не такое уж и мимолетное – чувство вины, но быстро избавился от него. Он догадывался, что время от времени подобное чувство испытывали все писатели, работающие в художественной литературе. Что касается самого Шутера, то этот человек вызывал у него лишь гнев и раздражение... при этом Морт даже чувствовал, что несколько разрядился. За последние месяцы в нем скопился огромный заряд ярости, которую писателю не на кого было направить. Самое время найти козла отпущения.

Морт знал старую поговорку о том, что если четыре сотни обезьян будут четыре миллиона лет стучать на четырех сотнях пишущих машинок, то одна из них напечатает полное собрание сочинений Шекспира, но, конечно, не верил. Даже если это было правдой, Джон Шутер вовсе не был обезьяной и прожил вовсе не четыре миллиона лет, хотя его лицо и было изборозжено морщинами.

Значит, Шутер переписал «свой» рассказ у него. Морту Рейни оставалось только догадываться, почему мистер выбрал именно «Посевной сезон»; не было никаких сомнений, что Джон Шутер его переписал, – совпадением это никак быть не могло. Хотя Морт Рейни чертовски хорошо знал, что сам он, возможно, действительно украл этот рассказ, как и все остальные свои произведения, – из Великого Банка Идей Вселенной, но никак уж не у мистера Джона Шутера из Великого Штата Миссисипи.

Но *откуда* именно Шутер его переписал? Морт решил, что это самый важный вопрос: ответ на него и позволит разоблачить Шутера как лжеца и плагиатора.

Вариантов было два, потому что «Посевной сезон» публиковался только дважды – первый раз в «Журнале мистических историй Эллери Квина», а затем в сборнике Рейни «Каждый бросает по монете». Обычно в начале всех сборников есть специальная страница, на которой указаны даты первых публикаций входящих в сборник произведений. Конечно, такая страница была и в книге «Каждый бросает по монете». Морт уже проверил данные о «Посевном сезоне»: впервые этот рассказ опубликовали в июньском номере «Эллери Квина» за 1980 год. Сборник «Каждый бросает по монете» вышел в издательстве «Санкт-Мартин» в 1983 году. С тех пор он выходил еще несколько раз в мягкой обложке, но это уже не имело значения. Морту достаточно было помнить эти две даты, 1980-й и 1983 годы... и верить, что, кроме литературных агентов и адвокатов издательских компаний, никто не обращает внимания на ту прекрасно оформленную страницу со сведениями о первых публикациях.

Надеясь с помощью этих двух дат уличить Джона Шутера во лжи и надеясь, что Шутер – как и большинство читателей – наивно полагает, будто рассказы, напечатанные в сборнике, прежде не существовали, Морт приблизился к человеку возле машины и остановился перед ним на краю дороги.

10

– Уверен, у вас уже была возможность прочитать мой рассказ. – Говорил Шутер небрежно, как человек, обсуждающий погоду.

– Да, я прочел.

Шутер важно кивнул.

– Воображаю, что вам он показался знакомым, не так ли?

– Разумеется, так, – согласился Морт, а затем спросил с той же нарочитой небрежностью: – Когда вы его написали?

– Я знал, что вы об этом спросите, – сказал Шутер и вместо ответа загадочно улыбнулся.

Его руки по-прежнему были скрещены на груди, ладони спрятаны под самые подмышки. Он выглядел как человек, абсолютно довольный своим местом в жизни, во всяком случае, до тех пор, пока солнце не скроется за горизонтом и не перестанет греть его лицо.

– Что ж, разумеется, – все так же небрежно продолжил Морт. – Я должен об этом спросить. Когда у двоих парней появляется одинаковый рассказ – это, знаете ли, серьезное дело.

– Серьезное, – задумчиво согласился Шутер.

– И чтобы разобраться в подобной ситуации, чтобы решить, кто у кого содрал, надо выяснить, кто написал эти слова первым. – Морт направил свой строгий и бескомпромиссный взгляд прямо в вылинявшие голубые глаза Шутера. – Надеюсь, вы со мной согласны?

Где-то неподалеку в ветвях деревьев самодовольно защебетала синица, затем все снова стихло.

– Полагаю, что да, – согласился Шутер. – Полагаю, что именно для этого я и приехал из Миссисипи сюда.

Морт услышал шум приближающегося автомобиля. Они оба повернулись на звук и увидели спускающийся с холма старенький «скаут», за которым кружился вихрь опавшей листвы. Том Гринлиф, здоровый и крепкий уроженец Тэшмора семидесяти с чем-то лет, был местным рабочим и делал в округе все, что не успевал Грег Карстейерс. Проезжая мимо. Том поднял в приветствии руку, и Морт помахал в ответ.

Шутер тоже выпростал из-под мышки руку и поднял палец. В этом дружеском жесте, который каким-то странным образом говорил о несметном количестве лет, проведенных в деревне, о бесчисленных и не уместающихся в памяти случаях, когда он точно таким же небрежным жестом приветствовал водителей проезжающих грузовиков, тракторов, сенокосилок и погрузчиков. Затем, когда «скаут» Тома исчез из поля зрения, Джон вернул свою руку на прежнее место. Едва вихрь листвы шурша опустился на землю, терпеливый, непоколебленный, пронзительный взгляд Джона Шутера снова остановился на лице Мортон Рейни.

– Итак, о чем мы говорили? – почти вежливо спросил он.

– Мы пытались установить происхождение, – ответил Морт. – Это означает...

– Я знаю, что это означает, – перебил Шутер, смерив Морта спокойным и в то же время слегка презрительным взглядом. – Я знаю, что одет как настоящий говнодав, и машина у меня, как у говнодава, и все мои родственники до тридцатого колена были говнодавами, и, возможно, это означает, что я и сам говнодав, но это вовсе не означает, что я – *тупой* говнодав.

– Действительно, – согласился Морт, – вовсе не означает. Но если вы умны, это вовсе не означает, что вы и честны. По правде говоря, лично я думаю, что чаще всего случается наоборот.

– Если бы я не знал этого раньше, то понял бы на вашем примере, – сухо ответил Шутер.

Морт почувствовал, что краснеет. Он не любил, когда его поддевали, и мало кому позволял так с собой обращаться, но Шутер только-только проделал это с изящной легкостью опытного стрелка, бьющего птицу влет.

Шансы заманить Шутера в западню снизились. Они еще не упали до нулевой отметки, но значительно уменьшились. Ум и остроумие – вовсе не одно и то же, но теперь писатель подозревал, что Шутер обладает и тем, и другим. Что ж, тем более не имело смысла затягивать это дело. Морт не желал находиться в обществе этого человека дольше, чем это было необходимо. Совсем недавно, прогуливаясь по тропинке вдоль озера, он невольно предвкушал это противостояние – как раньше, когда ему предстояло другое противостояние и он наконец понял, что это неизбежно, – может быть, всего лишь потому, что оно сулило какую-то перемену прежнего образа жизни, который стал уже невыносим. Теперь Морт хотел, чтобы все это поскорее кончилось. Он уже не был уверен в том, что Джон Шутер сумасшедший – во всяком случае, не совсем. Внезапно Морт понял, что этот человек действительно опасен; он был просто неумолим. Морт решил больше не ходить вокруг да около, а сразу зайти с козыря и покончить с этой историей.

– Когда вы *написали* ваш рассказ, мистер Шутер?

– Возможно, меня зовут не Шутер, – вроде бы забавляясь, ответил он. – Возможно, это просто псевдоним.

– Понимаю. Как же ваше настоящее имя?

– Я ведь не сказал, что это не мое имя; я сказал «возможно». В любом случае к нашему делу это не относится. – Он говорил безмятежно и, казалось, больше интересовался облаком, медленно плывущим по бездонному голубому небу к сияющему на западе солнцу.

– Ладно, но мне все-таки хотелось бы знать, когда вы написали этот рассказ. Это *имеет* к нашему делу прямое отношение.

– Я написал его семь лет назад, – ответил Шутер, все еще изучая облако, сейчас оно чуть коснулось солнца, и его край позолотился. – В 1982 году.

Попал, подумал Морт. Старый коварный ублюдок, он все-таки, шагнул прямо в капкан. Он все-таки взял рассказ из сборника. И поскольку «Каждый бросает по монете» вышел в 1983 году, он решил, что может назвать любую дату до этого года. Тебе следует внимательнее следить за выходными данными в книгах, старина.

Он ждал ощущения триумфа, но его не было. Только чувство легкости. Теперь можно без всяких проблем послать этого умника ко всем чертям. Но тут в Морте заговорило любопытство – вечное проклятие писательской братии. Почему, к примеру, именно этот рассказ, который так не похож на все остальные его произведения и совершенно не типичен для него? И вообще, если уж этот парень решил обвинить его в плагиате, то почему выбрал такую не приметную вещь? С тем же успехом он мог бы переписать какой-нибудь бестселлер, например, «Мальчика учителя музыки». Это по крайней мере было бы эффектно, а так все выглядит какой-то нелепой шуткой.

Видимо, решил, что переписать целый роман не так-то просто, подумал Морт и спросил:

– Почему вы так долго ждали? Я хочу сказать, что моя книга рассказов была издана в 1983 году, и с тех пор прошло уже шесть лет. Скоро будет семь.

– Потому что я не знал. – Шутер отвел глаза от облака и посмотрел на Морта все с тем же приводящим в замешательство выражением легкого презрения. – Вы небось уверены, что вся Америка, а может, и весь мир только и читает то, что вы пишете.

– Ну уж об этом мне лучше знать, – сухо парировал Морт.

– Но это вовсе не так, – пропуская слова Морта мимо ушей, самоуверенно продолжил Шутер, по-прежнему невероятно спокойно. – Ничего подобного. Я не видел этого рассказа до середины июня. Этого *июня*.

Морт вспомнил поговорку: «А знаешь ли, мальчик Джонни, что я тебе скажу? Ни разу я не видел свою жену в постели с другим мужиком до середины мая!» Интересно, как отреагирует Шутер, если услышит сейчас нечто подобное?

Рейни взглянул ему в лицо и решил не делать этого. Безмятежность сгорала в его выгоревших глазах, как в жаркий день испаряется за холмами туман. Теперь Шутер был похож на священника, готового огнем и мечом обращать свою паству, и в первый раз Морт Рейни по-настоящему испугался этого человека. И все-таки в нем пылал гнев. Он снова подумал о том же, о чем размышлял в конце своей первой стычки с «Джоном Шутером»: страшно ему или нет. Будь он проклят, если собирается стоять здесь и слушать, как этот человек обвиняет его в воровстве, – особенно теперь, когда сам же и подтвердил ложность этого обвинения.

– Позвольте-ка, я расскажу немного о вас, – сказал Морт. – Такие парни, как вы, очень разборчивы в своем чтении, и то чтиво, которое пишу я, вас, естественно, не устраивает. Вам по душе парни вроде Марселя Пруста и Томаса Харди, верно? По вечерам, подоив корову, вы разжигаете керосиновую лампу, ставите ее на стол, который непременно покрыт красно-белой клетчатой скатертью, и позволяете себе немного расслабиться, почитывая «Тесс» или «В поисках утраченного времени». Может быть, по выходным на вас накатывает страх чего-то неведомого, вы ходите нечесаным по дому и листаете какого-нибудь Эрскина Колдуэлла или Энни Диллард. Наверняка это кто-нибудь из ваших друзей рассказал вам о том, как я переписал вашу честно написанную сказку. Не так ли развивалась эта история, мистер Шутер... или как вас там?

Морт едва не сорвался на крик, поразившись тому, сколько же в нем скопилось ярости. Впрочем, удивление его было не слишком сильным.

– Нет. У меня нет никаких друзей. – Шутер говорил сухим тоном человека, просто констатирующего факт. – Ни друзей, ни семьи, ни жены. У меня небольшой домик примерно в двадцати милях к югу от Перкинсбурга, и мой кухонный стол действительно накрыт клетчатой скатертью, как вы только что заметили. Но у нас в городе электрический свет. А керосиновой лампой я пользуюсь только во время грозы, когда случаются аварии на линии.

– Рад за вас.

Шутер не обратил внимания на сарказм Морта.

– Я получил этот дом от своего отца и вложил в него немного денег, которые достались мне от бабушки. У меня действительно есть молочное стадо, около двадцати голов, в этом вы тоже были правы, а по вечерам я пишу рассказы. Полагаю, у вас стоит какой-нибудь модный компьютер с большим экраном, а я работаю на старой пишущей машинке.

Он замолчал, и в течение нескольких секунд оба они слушали шорох листьев, потревоженных легким ветерком.

– О том, что ваш рассказ как две капли воды похож на мой, я узнал сам. Дело в том, что я решил продать свою ферму. Решил, что если будет немного денег, то смогу работать днем, когда у меня свежая голова, а не только с наступлением темноты. Один торговый агент из Перкинсбурга устроил мне встречу с парнем из Джексона, у которого есть несколько молочных ферм в Миссисипи. Я не люблю делать за один раз больше десяти или пятнадцати миль – начинает болеть голова, особенно если надо ехать через большие города, потому что там на дорогах сплошные придурки, – поэтому я поехал на автобусе. И уже собирался сесть в него, но вспомнил, что ничего не купил почитать. Я ненавижу длинные переезды на автобусе, если мне нечего читать.

Морт поймал себя на том, что невольно даже кивнул. Потому что он тоже ненавидел переезды – на автобусе, поезде, самолете или машине, – если не было при нем какого-то более серьезного чтения, чем ежедневная газета.

– В Перкинсбурге нет автобусной остановки – «Грейхаунд» минут пять стоит на центральной площади и выезжает на шоссе. Я уже поднимался по ступенькам этого «хаунда», когда сообразил, что сажусь с пустыми руками, и попросил водителя подождать меня. Но тот сказал, что будь он проклят, если станет ждать, мол, он и так опаздывает и тронется с места

ровно через три минуты по его карманным часам. Если я поеду, он будет очень рад, а если нет, то смогу поцеловать его задницу, когда мы снова встретимся.

А ведь он рассказывает как писатель, подумал Морт. *Будь я проклят, если это не так.* Он попытался выкинуть эти мысли из головы – зачем ему думать об этом? – но сделать это было не так-то легко.

– Тогда я побежал в ближайший магазинчик. Там были какие-то книги, выставленные на старомодных проволочных стендах, которые крутятся во все стороны, – таких же, какие стоят в магазинчике здесь вверх по дороге.

– У Боуи?

– Да. – Шутер кивнул. – Именно там. В общем, я схватил первую попавшуюся книгу. Она могла оказаться карманной Библией, так как я даже не посмотрел на обложку. Но это был ваш сборник рассказов «Каждый бросает по монете». И, насколько мне известно, в нем действительно были ваши рассказы. Все, кроме одного.

Пора остановить этого Шутера. Он уже выпустил пар, и пора заткнуть его котел.

Но Морт с удивлением заметил, что пока ему вовсе не хочется этого делать. Вполне возможно, что Шутер действительно был писателем. Он обладал двумя главными качествами: умением рассказывать сказку так, что вам хотелось дослушать ее до конца, даже если вы уже знаете, каким будет конец, и был так полон дерьма, что едва не скрипел.

Вместо того чтобы сказать – даже если по какой-то дикой прихоти воображения Шутер говорил правду, – что он, писатель, сотворил этот несчастный рассказ за два года до появления сборника, Морт зачем-то уточнил:

– Так значит, вы прочли «Посевной сезон» прошлым июнем в автобусе «Грейхаунд», по дороге в Джексон, куда отправились, чтобы продать свою молочную ферму.

– Нет. Получилось так, что я прочел его на обратном пути. Я продал ферму и возвращался тем же автобусом, но с чеком на шестьдесят тысяч долларов в кармане. Первую половину рассказов я прочел по дороге туда. Они не стали для меня большим потрясением, но помогли скоротать время.

– Спасибо.

Шутер мельком взглянул на него и процедил:

– Я не собирался делать вам комплимент.

– Я в этом не сомневался.

Шутер задумался на минуту, затем пожал плечами:

– В общем, на обратном пути я прочел еще два рассказа... а потом этот. Мой.

Он посмотрел на облако, ставшее теперь бесформенной воздушной массой мерцающего золота, затем снова на Морта. Его лицо было бесстрастным, как и прежде, но писатель внезапно понял, как жестоко ошибался: в этом человеке не было ни толики покоя и безмятежности. Его ввела в заблуждение ироническая маска, которую Шутер надевал на себя, чтобы сдерживать свой гнев и не убить Мортону Рейни сразу, прямо голыми руками. Да, лицо Шутера было бесстрастным, но глаза пылали глубокой, дикой яростью, какую Морту едва ли доводилось прежде видеть. Он понял, что поступил глупо, свернув у озера на эту тропинку, которая вполне могла привести его к гибели от рук этого парня. Человек, стоящий перед ним, был достаточно сумасшедшим – во всех смыслах этого слова, – чтобы совершить убийство.

– Я удивлен, почему никто не заподозрил, что этот рассказ написали не вы – ведь он совсем не похож на другие, ни капельки.

Голос Шутера звучал по-прежнему ровно, но теперь Морт понимал, что это голос человека, который изо всех сил держал себя в руках, старался не сорваться, не схватиться за дубину, не кинуться на своего собеседника; это был голос человека, который знал, что в любую минуту готов совершить убийство, едва услышав, как его собственный голос выходит из-под контроля

и наполняется яростью от обиды; голос человека, который знает, как легко можно превратиться в линчевателя.

Морт неожиданно почувствовал себя так, будто попал в темную комнату, пересеченную тонкими, как волосы, проводами, протянутыми к брикету мощной взрывчатки. Трудно было поверить, что всего лишь несколько секунд назад Рейни казалось, будто он держит ситуацию под контролем. Его собственные проблемы – отношения с Эми, бездарное сидение перед компьютером – казались теперь незначительными деталями незначительного пейзажа. В действительности они вообще потеряли всякий смысл. Теперь у Морта была только одна проблема, и заключалась она в том, чтобы не погибнуть, вернуться домой и дожить хотя бы до захода солнца.

Он открыл рот и снова закрыл его. Морт не посмел сказать ни слова, во всяком случае, сейчас. Комнату пересекали натянутые провода.

– Я *очень* удивлен, – повторил Шутер все тем же низким, ровным голосом.

Теперь его безмятежность казалась жуткой пародией на подлинное спокойствие. Морт услышал свой голос:

– Моя жена. Ей этот рассказ не понравился. Эми сказала, что он совсем не похож на то, что я писал прежде.

– Как он попал к вам? – грозно растягивая слова, спросил Шутер. – Вот что я действительно хочу знать. За каким чертом такой сытый засранец, как вы, забрался в какую-то вонючую дыру в Миссисипи и украл мой чертов рассказ? Для чего вам это понадобилось – если только вы не украли и все остальные свои писульки? Объясните хотя бы, как он к вам попал, этого мне уже будет достаточно.

Ужасная несправедливость этих слов снова пробудила в Морте угасший было гнев. На мгновение он позабыл, что был здесь совершенно один, не считая этого психа из Миссисипи.

– Прекратите, – грубо сказал он.

– Прекратить? – переспросил Шутер, глядя на Морта с неподдельным изумлением. – *Прекратить?* Что, черт побери, вы хотите этим сказать?

– Вы сказали, что написали этот рассказ в 1982 году, – произнес Морт. – Я написал свой где-то в конце 79-го. Я не помню точную дату, но знаю, что впервые этот рассказ был опубликован в июне 80-го. В журнале. Я опередил вас на два года, мистер Шутер, или как вас там. Если кто-то здесь и является жертвой плагиата, то это, безусловно, я.

Морт не заметил, в какой именно момент Шутер сдвинулся с места. Только что они стояли у машины Шутера, глядя друг на друга; а в следующее мгновение Морт уже был прижат к водительской дверце, руки Шутера сжимали его запястья, а лицо вплотную приблизилось к его собственному, лоб в лоб. А между этими двумя мгновениями у Рейни было лишь неясное ощущение, что его схватили и резко развернули.

– Ты лжешь, – сказал Шутер, и Морт уловил в его дыхании слабый сухой запах корицы.

– Будь я проклят, если лгу! – ответил Морт и ринулся вперед, отталкивая от себя напирающего на него человека.

Шутер был сильным, почти таким же сильным, как Морт Рейни, но Морт моложе, тяжелее, и сзади у него стоял голубой фургон, от которого можно оттолкнуться. Ему удалось ослабить хватку Шутера и отпихнуть его так, что тот, спотыкаясь, отступил на пару шагов.

Сейчас он бросится на меня, подумал Морт. Хотя он не дрался со школьных времен, когда схватка закипала после слов типа «Ты меня толкнул, а теперь получай». Морт был изумлен, обнаружив, что сознание его остается ясным и холодным. *Мы будем драться из-за этого бестолкового, дурацкого рассказа. Что ж, пусть! Все равно сегодня я больше ничего не сделаю.*

Но этого не произошло. Шутер поднял руки, посмотрел на них, увидел, что они сжаты в кулаки... и заставил себя разжать пальцы. Морт видел, какое усилие понадобилось этому чело-

веку, чтобы снова подавить свой гнев, и почувствовал благоговейный трепет. Шутер опустил открытую ладонь себе на рот и очень медленно и осторожно вытер губы.

– Докажите это, – глухо сказал он.

– Хорошо. Вернемся вместе в дом. Я покажу вам примечания в книге на странице с выходными данными.

– Нет. Меня не интересует книга. Мне *наплевать на книгу*. Покажите мне рассказ. Покажите мне журнал с этим рассказом, чтобы я сам мог его прочесть.

– Но у меня здесь нет журнала.

Морт хотел сказать что-то еще, но Шутер закинул голову в небо и засмеялся сухим, лающим смехом, звучащим, как удары топора, раскалывающего сухое дерево.

– Нет журнала? – Ярость по-прежнему сверкала в его глазах, но он держал себя в руках. – Я в этом и не сомневался.

– Послушайте, – начал Морт. – Обычно мы с женой приезжаем сюда только на лето. У меня здесь есть экземпляры моих книг и некоторые зарубежные издания, но я публиковался и во многих журналах – со статьями, эссе и, конечно, с рассказами. Эти журналы хранятся в доме, где мы живем круглый год. Это в Дерри.

– Почему же вы сейчас не там? – спросил Шутер.

В его глазах Морт видел одновременно недоверие и злобное удовлетворение. Очевидно, Шутер давно предвкушал, как писатель станет лгать и изворачиваться, и, по мнению Шутера, именно это Морт теперь и делал. Во всяком случае, пытался.

– Я здесь потому, что... – Он запнулся. – А как вы узнали, что я здесь?

– Я просто посмотрел на заднюю обложку той книги, – сказал Шутер, и Морт чуть не шлепнул себя по лбу от досады.

Ну конечно, там была его фотография. Фотографировала сама Эми, и снимок получился просто превосходным. Впереди стоял Морт, на втором плане дом, а сзади простиралось озеро Тэшмор. Фотографию сопровождала простая подпись: *Мортон Рейни возле своего дома в западном Мэне*. Так что Шутер просто приехал в западный Мэн, и наверняка ему не пришлось долго ходить по барам и аптекам здешних городков, чтобы встретить кого-нибудь, кто сказал бы: «Морт Рейни? А как же, черт побери! Поезжайте к Тэшмору. По правде говоря, он мой личный друг!»

Что ж, стал ясен ответ хотя бы на один вопрос.

– Я здесь, потому что мы с женой разошлись, – сказал он. – Развод только закончился. Она осталась в Дерри. А в прежние времена этот дом пустовал.

– Ага, – сказал Шутер.

Тон его голоса снова привел Морта в бешенство. *Ты лжешь*, словно говорил он, *но это уже не имеет большого значения. Потому что я знаю, что ты лжешь. В конце концов, ведь ложь – это твое обычное занятие, не так ли?*

– Что ж, я бы все равно нашел вас, не здесь, так в другом месте. – И Шутер посмотрел на Морта твердым взглядом. – Я бы нашел вас, даже если бы вы переехали в Бразилию.

– Охотно верю, – признался Морт. – И все-таки вы ошибаетесь. Или обманываете меня. Я проявляю к вам уважение, надеясь, что это всего лишь недоразумение, потому что вы *кажетесь* мне достаточно искренним... – *О Боже, совсем не кажется*, подумал Морт, – ...но я опубликовал этот рассказ за два года до того, как вы, по вашим словам, его написали.

Писатель снова заметил в глазах Шутера сумасшедший блеск, но Шутер тут же взял себя в руки: обуздал себя, подобно человеку, который может усмирить собаку со злым характером.

– Вы сказали, что этот журнал у вас в другом доме?

– Да.

– И в этом журнале напечатан ваш рассказ?

– Да.

– И этот журнал вышел в июне 1980 года?

– Да.

Во время этой утомительной серии вопросов Морт сгорал от нетерпения: перед каждым вопросом Шутер погружался в долгое, задумчивое молчание. Но затем Морт почувствовал слабую надежду: казалось, этот человек сам пытается убедить себя в том, что Морт говорит правду... пытается убедить себя в том, что сам он должен был давно знать, потому что почти полная идентичность двух рассказов не была совпадением. Морт по-прежнему твердо в это верил, но ему пришло в голову, что Шутер может и не помнить о том, что совершил плагиат. Ведь все-таки этот человек был сумасшедшим.

Морт уже не испугался, как в первый раз, когда увидел ненависть и ярость в глазах Шутера – будто отблески огня, внезапно охватившего амбар и взвившегося в небо. Морт сумел вырваться из его хватки и решил, что теперь, если дело дойдет до драки, сможет справиться... по крайней мере ему хватит сил повалить этого человека на землю.

И все-таки лучше, если бы до этого не дошло. Морт почувствовал, что Шутер начинает вызывать в нем какое-то странное и вовсе не уместное чувство жалости.

Однако джентльмен продолжал бесстрастно допытываться до истины:

– Тот, другой дом, в котором сейчас живет ваша жена, он ведь тоже здесь, в Мэне?

– Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.